

*Не отрекайся
от меня*

Алекс Ретул

Алекс Регул

Не отрекайся от меня

«Автор»

2015

Регул А.

Не отрекайся от меня / А. Регул — «Автор», 2015

Поздравляю всех С НОВЫМ ГОДОМ! До счастья порой необходимо дорасти. К сожалению, чаще всего, дорасти приходится размером пережитых страданий. Иначе можно, не разглядев, пройти мимо, так и не поняв, что именно это твой человек, данный тебе кем-то свыше для достижения наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни. То есть, именно этот человек дан тебе для счастья. А ты, в свою очередь, и есть его счастье.

© Регул А., 2015

© Автор, 2015

Не отрекайся от меня

Ноябрь

В её доме поселилась Любовь. Поселилась в конце лета и живет уже третий месяц. Тома безумно рада этому факту. Ведь семнадцатилетняя Любонька внесла столько радости и света в жизнь тридцатилетней тёти. С появлением дочки своей старшей сестры, Тома помолодела. И стала чаще улыбаться.

Замужем Тома была почти два раза. Первый брак был недолгим. До тех пор, пока Тома не узнала, что муж её ещё тот ходок. Во второй раз обошлись без ЗАГСа, просто гражданским браком. Второй муж так же был не склонен к верности. Тома зареклась с мужчинами строить планы на долгую совместную жизнь. Обижаться на весь белый свет из-за того, что сама была неразборчива, она не стала. Но и пытаться наладить свою личную жизнь не спешила. А с появлением Любоньки, так и вовсе перестала заниматься самоедством, что ребёночка не успела родить. И хотя Люба была скорее сестрой, чем племянницей, Томе теперь было на кого выплеснуть весь свой нерастроченный материнский инстинкт.

– Любовь, вернись! Я всё прошу! – стоя на балконе, крикнула Тома своей племяннице, когда та вышла из подъезда.

Люба, привыкшая к таким шуткам тёти, остановилась, посмотрела на балкон второго этажа. И улыбнувшись, помахала Томе рукой. После чего поспешила по тротуару на остановку. Чтобы уже через час сидеть в аудитории и внимательно поглощать очередной объём знаний, который в неё, и таких же как она первокурсников, усердно вкладывали преподаватели института.

Тома улыбнулась прекрасному утру и стала, созерцая просыпающийся город, допивать свой кофе.

Её работа была под боком. На первом этаже этого же дома. Тома жила в однокомнатной квартире на втором этаже нового многоэтажного дома на окраине города. А на первом этаже она арендовала помещение и открыла в нём парикмахерскую. Название для которой ещё не придумала. Поэтому на дверях парикмахерской была просто надпись: «Парикмахерская» и режим работы: с 9 до 21. Но зачастую Тома задерживалась на работе. Ведь главное в сфере обслуживания, чтобы клиент был доволен и хотел вновь воспользоваться предлагаемыми услугами.

Себе в помощь Тома наняла молодую специалистку парикмахерского дела Надежду, которая занималась в основном клиентами-мужчинами. А Тома взяла на себя женщин. Но сегодня у Нади выходной и Тома будет обслуживать всех. Не впервой. К тому же Люба обещала после занятий зайти и развеять своим присутствием грусть-тоску, если такая возникнет.

К вечеру в парикмахерскую пришла Люба. Немного уставшая Тома подмигнула ей в знак приветствия и продолжила обслуживать пожилую клиентку.

– Вот и всё. Теперь я подсушу и готово.

Тома включила фен и стала сушить волосы клиентке, при этом слегка укладывая новую стрижку. Через несколько минут всё было готово и довольная клиентка, расплатившись, ушла.

– Любонька, как дела? Как гранит наук?

– Грызу!

– Зубы только не сломай. Их ремонт сейчас дороже чем учёба в институте.

– Учту! У тебя ещё много клиентов на сегодня?

– Через час женщина подойдёт. Она ещё вчера записалась. И если после неё никого не будет, я в полном твоём распоряжении.

– Тогда я пошла, прочитаю лекции, перед ужином.

– Люб, ты меня не жди. Ужинай сама. Я если освобожусь не поздно, с тобой чайку попью.

– Том, ну какой чай? Ты на себя посмотри! Тошная как...

– Без грубостей!

– Как школьница перед единым гос. экзаменом, я хотела сказать! И кстати, такая же бледная! Ты вообще из своей цирюльни выходишь на белый свет посмотреть?

– Выхожу. В прошлый вторник на рынок ездила за курткой. Помнишь?

– Том! Я не про это. Ты, когда отдыхала? Ну, там кино, театр?

– Театр? – Тома задумалась на пару секунд. – А! В девяносто девятом году...

– Стоп! Ты мне ещё про отмену крепостного права начни рассказывать! Том, давай на этих выходных куда-нибудь пойдём? Посмотрим на людей, себя покажем!

– Меня показывать можно только, как средство пытки.

Люба удивлённо посмотрела на Тому. Перед ней стояла весьма красивая стройная женщина. Среднего роста, с очень нежными женственными линиями. Живые серо-зелёные глаза, могли при желании околдовать, наверное, любого мужчину. Они были настолько бездонными, что в них можно было утонуть. Только Тома на мужчин старалась если и смотреть, то более холодным, не таким лучезарным и открытым взглядом, как был у неё сейчас.

Её волнистые светло-русые волосы были средней длины. До плеч. На работе Тома их предпочитала фиксировать заколкой, или стягивать резинкой в хвостик. Но сейчас они были распущены.

Маленький аккуратненький приподнятый носик, тонкие брови и припухшие губки, придавали милому лицу Тома шарм.

– Напрасно ты так! – возмутилась Люба. – Ты очень даже симпатичная. Только более откровенные наряды тебе нужно прикупить, и будешь просто девочка улёт!

Действительно в одежде Тома отдавала предпочтение классическим женским брюкам и строгим блузкам, неброских цветов.

– Девочкой я уже никогда не буду, – без грусти в голосе сказала она, посмотрев на себя в зеркало.

– Ладно, не хочешь девочкой, будешь сексуальной женщиной, разбивающей мужские сердца.

– Люб, а зачем мне их разбитые сердца?

– Твоя правда! Разбитое сердце лечить надо, а это хлопотно. Не будем разбивать сердца! Будем представителям противоположного пола крутить мозги!

– Зачем?

– Чтоб умней были! – сверкнули голубые глаза Любы.

– Мысль! Как я сама до этого не додумалась. Всё, брысь отсюда! – улыбаясь, Тома стала выпроваживать Любу, – Толку от тебя, как от телевизора! Только мозги замусориваешь! Живо домой! Я тут сама справлюсь, тем более наплыва сегодня не предвидится.

Люба нехотя побрела к выходу:

– Том, ну ты всё равно подумай насчёт выходных.

– Я тебе сразу скажу – не получится! Мой выходной – вторник. А это у тебя день знаний.

– А перенести на субботу, ты не можешь свой выходной?

– Не могу. В субботу обычно много клиентов. Особенно женщин.

– А знаешь почему? – Люба не стала дожидаться ответа и сразу же ответила на свой вопрос. – Потому что по субботам женщины ходят в рестораны, театры и тому подобные общественные заведения!

– Да! Но ходят они туда со своими мужчинами! А это значит, что мне не стоит даже напрягаться, поэтому повод!

Люба встрепелась.

– О! Кстати! А куда делся наш Эдуард Альбертович? Что-то давненько он тебя никуда не приглашал? Что, и его отшила? Нормальный же вроде мужик. Машина неплохая. Одевается

хорошо. С виду вроде не идиот. Да, и на обезьяну непохож. Что ты с ним сделала? Неужели обидела такого хорошего человека, и он в слезах побрёл прочь от тебя? И теперь ты раскаиваешься и поэтому мне не признаёшься?

– Так! Товарищ племянница, а тебе не кажется, что много вопросов задаёшь?

– Не поверишь, не кажется!

– Брысь отсюда! Иначе я тебя, – Тома схватила полотенце и угрожающе стала им размахивать перед отступающей, но всё ещё улыбающейся Любой.

– Всё! Всё, поняла! – и Люба выскочила за дверь. Но буквально через пару секунд дверь приоткрылась, и за ней вновь показалось весёлое юное личико. Голубые глаза блестели ещё сильнее. На тоненьких губах играла улыбка. И лишь собранные в косу длинные светло-русые волосы, мирно лежали на плече девушки. – И всё-таки разговор, я считаю, не закончен!

В сторону Любы полетело полотенце. Дверь с грохотом закрылась. Тома улынувшись, подошла к лежащему на полу полотенцу и подобрала его. Но не успела она отойти от двери, как та распахнулась и явила взору высокого bruneta с глазами тёмной бездны.

– Работаете?

– Да, конечно. Проходите.

Парень прошел в зал и присел в предложенное кресло.

– Надежды нет?

– Нет. К сожалению, у неё сегодня выходной. Если хотите Вас подстричь могу я.

– Хочу.

Тома накинула на широкие плечи клиента накидку и провела рукой по его почти чёрным волосам.

– Как будем стричь?

– Состригите всё лишнее.

Тома невольно улынулась:

– Рискованный Вы. Такую неточную задачу передо мной ставите.

– И всё же, я настаиваю.

– Хорошо. Тогда я уберу на висках и затылке. А здесь, – Тома указала на чёлку, – рекомендую снять совсем немного.

– Согласен. Стригите.

И Тома принялась за работу. Но спустя пару минут тишины не выдержала и по привычке, которую выработала с клиентами-женщинами, заговорила:

– У Вас мягкие волосы. Говорят, какие на ощупь волосы такой и характер.

– Это если меня против шерсти не гладить, я мягкий.

– Люди вообще не любят, когда их пытаются переделать, – тут же нашлась с ответом Тома.

– А с годами это чувство только усиливается.

– Да. Но Вам, в силу юного возраста, ещё рано об этом беспокоиться. Все ожоги у Вас ещё впереди.

– Оптимистичное заявление.

Мужских тонких губ едва коснулась грустная улыбка. Почти усмешка. Коснулась и исчезла. Лицо вновь стало серьёзным. Сосредоточенным. Но, не смотря на это, выразительные карие глаза, хотя и выглядели усталыми, всё же прожигали душу Тома. Которая так близко стояла от этого внезапно возникнувшего источника внутреннего резонирующего колебания.

– А жизнь она вообще... очень весёлая штука, – осеклась речь Тома.

– Чего же Вы тогда так редко улыбаетесь?

– Извините. Забыла.

Тома, посмотрев в зеркало, увидела глаза клиента и улынулась, но лишь на миг. Поскольку сразу же вернулась к своей работе и продолжила стричь.

Однако от неё не скрылось, что парень неотрывно наблюдает за её отражением в зеркале. Не желая больше с ним встречаться взглядом, Тома, прилагая усилия, достригла и сняла с его плеч накидку.

– Так Вас устроит?

– Теперь стало гораздо лучше. Сколько с меня?

Тома назвала сумму и отошла в сторону. Парень поднялся с кресла, извлёк из портмоне денежные купюры и положил их на рабочий стол перед зеркалом:

– Спасибо.

– Приходите ещё, – машинально произнесла Тома.

– Обязательно.

Сказал и вышел.

А Тома стала наводить порядок вокруг кресла.

Декабрь

Сегодня был относительно не загруженный день. Тома вечером ушла пораньше. Надежда обещала, что в случае если не будет справляться, позвонит.

Так и произошло.

– Аллю, Том, пришла Ольга Викторовна, хочет, чтобы её обслуживала ты. Подойдешь?

– Буду через пару минут! – Тома поднялась с кресла и пошла на кухню, где Люба с двумя однокурсницами и ещё одним однокурсником готовились к экзамену. – Любонька, я на работу.

– Ладно! – Люба оторвалась от книги и с грустью добавила, – А мы, наверное, ещё пару часиков позанимаемся.

– Занимайтесь! Ты только чай с бутербродами не забывай. Твои гости, – Тома обвела взглядом однокурсников Любы, – хоть и учиться сюда пришли, но питаться тоже должны. На пустой желудок, в голову мало что можно вложить.

– Не переживай, Том! Сейчас решим задачку и будем чаем обмывать победу.

– Это мне нравится. Всё, я ушла!

Тома накинула кофту, выскочила из квартиры и стала быстро спускаться по ступеням. Но выйти ей не удалось. Путь преградила парочка, которая поднималась вверх. Тома остановилась и решила пропустить влюблённых. А она решила, что они именно влюблённые, поскольку худенькая, рыжеволосая девушка льнула к высокому парню и преданно на него смотрела своими большими зелёными глазами. Парень, улыбаясь что-то тихо рассказывал, но когда заметил Тому, притихшую у стены, тоже немного замешкался и их взгляды встретились.

Он её узнал первым.

– Добрый вечер.

– Добрый, – увидев его темные глаза, Тома узнала в нём того самого клиента.

Девушка ничего не сказала и Тома, смутившись окончательно, поспешила вниз. Парень на Тому ещё пару раз посмотрел, но продолжил путь вверх, сопровождая свою молоденькую, юную подругу.

Почему-то эта встреча Томе не понравилась. Она стригла Ольгу Викторовну, а сама думала о том, что высокий брюнет, наверное, уже давно довел девушку до квартиры. Что они уже вошли в квартиру, и там... Дальше её мысли путались. А злость росла. Злость на себя. Злость на то, что вообще думает об этом.

«В конце концов, он слишком юн для меня!

А для той девочки в самый раз».

Но явные факты требовали опровержения!

А его не было.

И Тома почему-то продолжала думать об этой встрече.

– Всё, Ольга Викторовна. Готово.

– Спасибо, моя дорогая! Цены у вас не поменялись?

– Нет. С Вас столько же, сколько и в прошлый раз.

Довольная постоянная клиентка, оплатила труды и ушла. А Тома осталась на работе. Возвращаться домой она не хотела. Спустя полтора часа, когда обслужен был последний клиент на сегодня, Тома закрыла дверь парикмахерской на ключ и побрела домой. Больше всего она не хотела сейчас вновь столкнуться с тем парнем.

Быстро Тома дошла до квартиры, открыла дверь и оказалась дома. Свет горел в комнате. Смех и музыка, подтверждали, что молодёжь переместилась туда. Не хотелось Томе смущать гостей Любы своим возвращением, поэтому она тихонько прошла на кухню. Потянулась к выключателю, чтобы включить свет. Щелчок. И она ослепенная увидела того самого парня, которого видеть не хотела. Но увидела и ахнула.

– Я напугал? Прошу прощения, – его спокойный, уверенный голос Тому встревожил ещё больше, чем столь неожиданная встреча.

– А что здесь происходит?

– Я кофе пью.

– В темноте? Один?

– Да. Так лучше виден город из окна.

– Я извиняюсь за вопрос, Вы кто?

Он поставил кружку с кофе на стол.

– Меня зовут Дима. И давай сразу на «ты»?

«Понятное дело, на «ты»! Не хочешь мне намекать на мой возраст? Из деликатности мне «Вы» говорить не желаешь?... Парадокс! Ну ладно. Шут с тобой! Я тоже «Выкать» тебе не буду, юноша»! – зло подумала Тома.

– Откуда ты взялся, и почему тут пьёшь кофе?

Почему-то Тома стала отступать в сторону коридора.

– Я друг Любы. Она меня впустила. Не бойся меня.

– Я-то как раз не боюсь. Я у себя дома.

– Тогда тем более, не уходи, – Дима прошел мимо Тома и взял чистую кружку, стоявшую у раковины, – Хочешь кофе?

Невольно у Тома вырвалось:

– Хочу.

Дима налил из турки свежесваренный кофе в кружку и протянул Томе. Она медленно приняла её.

– А ты быстро освоился, – заметила она.

– Не так быстро, как могло показаться. На приготовление кофе у меня ушел почти час.

– Всё равно, быстро, с учётом того, что ты первый раз в этой квартире.

– Первый раз. А ты сестра Любы?

– Почти.

– Вы вдвоём снимаете квартиру?

– Правильней сказать, мы с ней вдвоём здесь живём.

– Тебя зовут Тамара?

– Тамара.

– Не удивляйся, я твоё имя запомнил ещё в парикмахерской, когда приходил в позапрошлый раз стричься.

– Ясно.

– В прошлый раз меня стригла ты. Помнишь?

– Кажется, припоминаю тебя, – слукавила Тома.

Дима взял свою кружку с кофе и сделал медленный глоток, смотря пристально на Тома. Она вновь не выдержала его взгляда и, отступив к окну, стала смотреть на улицу.

– Вид красивый, – тихо произнёс Дима. – Но вот так гораздо лучше.

Одним щелчком выключателя он погрузил кухню в темноту. Подошел к окну и, стоя у Тома за спиной, тоже стал смотреть в окно.

– Я люблю смотреть на город. Особенно когда идёт дождь или снег. И чтобы обязательно была ночь. Или глубокий вечер. Тебе нравится?

– Нравится, – сдержанно призналась Тома, но отошла от парня.

– Я живу в соседнем доме, – Дима как-то просто взял Тому за руку и притянул обратно к себе, – Вон в том подъезде, – указал он на третий подъезд девятиэтажного дома. – Как раз напротив твоих окон. Но только на пятом этаже. Вон там. Видишь?

– Вижу, – смущённо произнесла Тома.

– Окно с жалюзи, это кухня, а левее моя комната.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – теряясь в догадках, спросила Тома.

– Когда будет лить дождь, посмотри в моё окно... и увидишь меня, – почти шепотом произнёс Дима над ухом Тома. Она отдернула странные мысли, но сбросить наваждение не удалось.

– Дима, тебе не кажется, что ты увлёкся? – возмутилась Тома, отстраняясь от парня.

Дима выпустил её, и глубоко вздохнул.

– Я никогда не увлекаюсь.

– Весьма прискорбно! Жаль твою девушку. Судя по всему, у неё на тебя большие планы.

– Ты о ком?

– Ну, как же! Та девушка, что встретила сегодня мне в твоём сопровождении. Я говорю о ней.

– А! Ты про Верочку? – оживился Дима.

– Возможно, про Верочку. Имени её я не знаю.

– Вера, хорошая. Я её даже люблю... где-то в глубине души. Но она не моя девушка.

– Да мне всё равно, какие у вас отношения! И вообще, шел бы ты домой. И Веру с собой забирай. Пришёл, хозяйничает у меня на кухне! Про любовь свою рассказывает! Зачем тебя вообще впустила Люба?

Тома не видела его смеющихся глаз.

– Что за шум? – раздался голос Любы из коридора. Через мгновение, на кухне вспыхнул свет, освещая Диму и Тому, стоявших напротив друг друга у окна, – Привет! Вернулась? Очень хорошо. Мы уже закругляемся. Девчонки одеваются. Игорь тоже.

– А Верочка? – спросил Дима у Любы, при этом неотрывно наблюдая за серо-зелёными разгневанными глазами Тома.

– Она же у нас копуша! – бодрым голосом пояснила Люба. – Можешь не спешить. Она ещё минут пять будет одеваться.

– Хорошо, я тогда успею кофе допить и кружку вымыть.

– Кружку можешь не мыть! – резко возразила Тома. – Гости у меня посуду после себя не моют.

– Как скажешь.

Дима улыбнулся, допил кофе. Передал пустую кружку Томе в руки и вышел из кухни. Люба последовала за ним. А Тома, молча, подошла к раковине и опустила в неё две кружки. Его. И свою с недопитым кофе. Включила горячую воду и подставила под струю немного дрожащие руки.

А там, в коридоре, шумная толпа собралась и, подшучивая друг над другом, вырвалась из квартиры. Дверь с грохотом закрылась. Тома вздрогнула. И наступила тишина.

Через четверть часа вернулась Люба.

– Ух! Хоть бы, завтра мы сдали этот экзамен. И наконец, закрыли сессию.

– Я тоже на это надеюсь. Люб, а почему Дима с вами не учил? Он что не с вами учится?
– Нет! Он брат Веры. А Вера учится с нами. Димка просто её сопровождал. Ему было скучно, и он увязался за сестрой.

– За сестрой... Ах, вот оно что, – на душе стало почти хорошо. – А Вера местная?

– Нет. Она приехала из... какой-то деревеньки, что неподалёку. Я название забыла.

– И Дима, тоже приехал из деревни?

– Наверное. Но он давно здесь живёт.

– Они снимают квартиру?

– Да. Где-то неподалёку от нас. Я к Вере в гости ещё не ходила. Поэтому не знаю, где конкретно.

– А брат её тоже учится?

– Нет. Он работает. Но где я не знаю.

Тома запрещала себе задавать терзавший её вопрос, но ослушалась и всё же произнесла, разрушая надежду неведенья:

– А сколько ему лет?

– Двадцать три. Будет.

«Ах, как жаль...»

Но вслух Тома ничего не сказала и пошла в душ.

Январь

– Работаете?

– Да-да! Проходите! Я буквально пару минут и займусь Вами... – невольно Тома отвлеклась от клиентки, которую заканчивала подстригать и посмотрела в сторону вошедшего.

– Привет, Тома.

– Дима?

– Не спеши. Я подожду.

Как не старалась Тома продлить работу с клиенткой, чтобы успокоиться, всё равно через несколько минут, та ушла. И теперь перед Томой сидел Дима.

Сидел и смотрел изучающим взглядом на её отражение в зеркале.

– Как стричь?

– Как в прошлый раз.

– Хорошо.

Тома провела по его мягким волосам рукой, проверяя их длину. И приступила к работе. На этот раз первым заговорил он:

– Как праздники провела?

– Нормально... Люба 30-го уехала домой. Приехала 4-го. Рождество праздновали вместе.

– А новогоднюю ночь, где ты была?

– В гостях.

– Я так и подумал. Свет у тебя не горел.

Тома не хотела рассказывать, что пришла с работы домой за час до Нового года. Приняла душ и отправилась смотреть телевизор. Но до боя курантов не досидела. Уснула, так и не откупорив шампанское. И даже фейерверки, что взрывались под окнами в полночь, её не подняли. Она их слышала, но смотреть на них не захотела. Укуталась плотней пледом и продолжила спать.

– А ты как встретил Новый год? – пытаюсь отвлечь Диму от пристального наблюдения за её отражением, спросила Тома.

– Ко мне гости приходили.

– Гости – это хорошо.

Тома встала с другой стороны и продолжила стричь, но неожиданно свет в парикмахерской погас.

– Этого ещё не хватало! – возмутилась она.

– Может, скоро включат? – спокойно произнёс Дима.

– Подожди, я найду сотовый и подсвечу им, – Тома достала телефон и немного осветила его экраном помещения. – Интересно, это только у меня или во всём доме? Посиди, я посмотрю, как там у других.

Она оставила Диму и вышла из парикмахерской на улицу. Света не было только у неё.

– Дима, не повезло тебе. Света нет только у меня. Я пойду, посмотрю, что там со счётчиком и вернусь. Может, просто тумблер защиты сработал.

– Подожди! – резко остановил её Дима. Он поднялся с кресла и подошел к Томе. – Я тебе помогу. Где у тебя счётчик?

– Около входной двери.

– Возьми меня за руку. И веди.

– Дим, может, ты всё-таки здесь подождёшь?

– Веди! – требовательно произнёс он, взяв Тому за руку.

И она повела его к выходу. Дима крепко держал её руку. Тома чувствовала тепло идущее от чужой руки. И хотя тепло это ей нравилось, она ему сопротивлялась. Опасаясь нуждаться в нём.

Подойдя к счётчику, Тома осветила его экраном телефона, и обнаружила, что действительно сработала защита. Она попыталась потянуться к счётчику, чтоб включить тумблер, но Дима, перехватив её руку, не позволил этого сделать:

– Куда ты лезешь? А вдруг было короткое замыкание? Пожар хочешь устроить?

– Нет, конечно, не хочу.

– Тогда не лезь! Завтра я с напарником приду к восьми и, проверив проводку на замыкание, восстановлю тебе электричество.

– А как же тебя достричь?

– Не знаю, – он стоял сзади Томы и продолжал её держать за руки. – Может, к себе домой пригласишь и там дострижешь?

Это предложение ей не понравилось. Она его даже испугалась. Но потом успокоилась, подумав, что Дима всего лишь клиент, и она вынуждена так поступить. В конце концов, своим согласием она не нарушает данное себе слово, не приводит мужиков в свой дом.

«Дима клиент. Просто клиент. И всё!»

– Хорошо... Пошли.

Когда они вошли в квартиру, и Тома обнаружила, что Любы нет, она даже растерялась:

– Странно... Любы нет. Но она скоро вернётся! Она вообще-то домашняя девочка.

Дима на её слова промолчал. Он-то знал, что Люба с Верой и с остальными девчонками, сегодня умчались в кино. Дима даже знал, в какой кинотеатр и на какой фильм они пошли. Более того, он знал, какие у них места по билетам. Ведь именно он покупал те самые билеты на всю шайку-лейку подружек. И именно он, с невинными глазами, подсунул билеты своей сестре. Вера с радостью пригласила подруг в кино, и теперь Дима был уверен, что Люба появится в квартире никак ни раньше девяти часов вечера. А это означало, что у него ещё есть, как минимум, час, на то, чтобы побыть с Томой наедине.

А устроить небольшое замыкание для специалиста, знающего, что помимо плюса и минуса в розетке, при желании, можно найти и ноль, вообще проблемы не составило.

– Разве без Любы ты меня не сможешь достричь? – спросил Дима, обнажая Тому пристальным взглядом.

– Я не об этом! Проходи в ванную комнату. Я сейчас подойду.

Дима прошёл в указанном направлении и стал изучать обстановку. Только женские средства гигиены. Никаких мужских гелей для душа.

Вскоре появилась Тома, с новой накидкой на плечи и табуреткой, принесённой с кухни.
– Присаживайся.

Он повиновался. На его плечи легла накидка и Тома, достав из кармана фартука ножницы, продолжила стричь. Пространство ванной комнаты позволяло Томе относительно комфортно перемещаться, чтобы спустя минут десять завершить процесс. Один нюанс лишь не устроил клиента. Зеркало было высоко. И Дима, развлекая себя, при первой же возможности старался заглянуть Томе в глаза. Её это нервировало, но она всё же, закончила его подстригать в самые короткие сроки.

– Всё. Готово. Можешь вставать, – Тома аккуратно сняла с его плеч накидку. – Зеркало на стене.

Дима встал и посмотрел на себя.

– Мне нравится. Спасибо. А тебе нравится?

Тома кашлянула в кулак, но ответила:

– Нравится. Оплата завтра. А-то ещё неизвестно, кто кому будет должен после того, как ты вернёшь мне свет.

– За свет не переживай. Я его восстановлю. Это не проблема. А деньги с тебя я брать не собирался.

– Но ведь ты придёшь не один, и твоему напарнику я в любом случае буду должна.

– Нет, ему ты ничего не будешь должна. Только мне.

– Ты же сказал, что деньги брать с меня не собираешься.

– Деньги нет. А оплатить придётся.

Тому накрывала волна возмущения. Она пристально посмотрела Диме в глаза.

– И в чём оплату принимаешь?

– В улыбках, – серьёзно произнёс он.

Тома подавила кашель и перевела взгляд на пол.

– Ладно. Разберёмся позже. Выходи.

– Тома, не могла бы ты выйти сама? У меня что-то шея чешется. Я хочу снять майку и стряхнуть её от волосков, которые раздражают мне спину.

– Конечно, – и Тома выскочила из ванной комнаты, поскольку Дима как-то не очень ждал, когда она выйдет и начал раздеваться, ещё до того как закончил говорить.

Однако спустя минуту он так и не вышел. А ещё через минуту Тома поняла, Дима принимает душ. Возмущаться было бесполезно.

«Ну, не вторгаться же к нему?»

Тома прошла на кухню и, успокаивая себя, стала смотреть в окно. Готовить чай или кофе для себя она не стала, поскольку не хотела, чтоб ей в компанию навязался Дима.

Спустя бесконечность он вышел из ванной комнаты. Брюки были на нём... но только они. Майки не было. И теперь голый торс молодого красивого тела обнажал тоску Томы по мужской ласке.

– Тома, полотенце дашь? – его голос звучал, как всегда, спокойно. Невинно. И это раздражало, ещё больше.

От неожиданности столь интимного зрелища Тома растерялась, а когда собралась с мыслями, отвела взгляд от его груди и пошла в комнату за полотенцем. Дима пошёл следом. Молча, он стоял у Томы за спиной, пока она выбирала полотенце. Достав подходящее из шкафа, она обернулась и протянула его Диме.

Медленно он взял махровую ткань. И стал вытираться прямо перед Томой. Выдержать такое было невозможно и она, затаив дыхание, отошла в сторону.

– Спасибо, – возвращая полотенце, спокойно поблагодарил Дима.

И после того как Тома приняла влажное полотенце, парень развернулся и ушёл в ванную комнату за своей майкой. А Тома так и продолжила стоять посреди комнаты.

– Тома! Ты меня угостишь кофейком? – крикнул Дима из коридора.

– Нет!

Он вернулся и, облокотившись о дверной косяк, уточнил:

– А чайком!

– Так! Быстро собирайся и проваливай отсюда! Мало того, что тебя подстригла в домашних условиях, так ты ещё без спроса душ у меня принял, и после этого хочешь, чтоб ещё и кофейком тебя угостила! Не много ли чести?

– Ой! Тома, а ты грубиянка, – улыбнулся он.

– Иди, одевайся!

– Иду.

Дима развернулся и ушел. Когда вернулся, был уже одет. И не только в майку. В прихожей он отыскал свою дублёнку и, одев её, показался на глаза взволнованной Томе.

– Дверь за мной закроешь?

В ответ она кивнула и пошла к входной двери. Он молчал, пока обувал свои утеплённые ботинки, а когда выпрямился, то сделал шаг в сторону Тома и тихо произнёс:

– Жаль, конечно, что в этом доме я могу рассчитывать лишь на тот кофе, который сам себе готовлю.

Тома хотела возразить, но Дима улыбнулся и нежно провёл ладонью по её щеке.

– До завтра. Ровно в восемь, мы будем у тебя в парикмахерской.

Она опять хотела хоть что-нибудь сказать в ответ на его уверенный голос, но Дима уже повернулся к двери, открыл её и вышел. Тома видела его ещё пару секунд, а потом только слышала, как он спускается по ступеням.

Дверь она закрыла лишь, когда услышала, как хлопнула дверь за Димой в подъезде. Закрыв дверь в квартиру, выругалась на себя и пошла, убирать состриженные волосы, которые всё ещё лежали в ванной комнате на полу.

Дима, как и обещал, на следующий день, ровно в восемь утра, в компании напарника, одетого в такой же синий строительный комбинезон, как и у него, пришёл в парикмахерскую. Парни быстро восстановили электричество и, не говоря лишних слов, ушли. Тома, была расстроена, но добиться от них стоимости услуг, так и не смогла.

Февраль

А и не было ничего.

Тома работала. Его не видела. Стала понемногу успокаиваться и забывать всё, что было. И чего не было, но о чём мечтала в тайне.

Лишь только Люба, периодически своими рассказами выбивала из колеи.

– ...и тогда мы пошли к Вере. У Димки хороший музыкальный центр и мы его погоняли.

– Кого? Диму? – услышав его имя, Тома пожалела, что рассказ Любы слушала невнимательно.

– Нет! Музыкальный центр.

– А...

– А потом пришёл Димка с работы и выгнал нас из своей комнаты. И выругал за то, что его вещи трогаем без проса. Мы обсмеяли его, что ведёт себя, как строгий родитель и ушли.

– А где же Дима работает?

– На стройке.

– Но живут они с сестрой в съемной квартире?

– Да.

– В двухкомнатной?

- Ну, да.
- Оплачивать её помогают их родители?
- Нет. Димка сам её оплачивает. И ещё сестре деньгами помогает.
- А родители им не помогают?
- По-моему, нет.

Тома запрещала себе что-либо ещё про него спрашивать.

«Мало ли, что может обнаружиться?

Да и Люба, имея пытливый ум, в ответ стала бы задавать неудобные вопросы».

И Тома решила, не спрашивать больше ни о чём.

В конце концов, какое ей дело до этого парнишки?

У него не может быть интереса к ней.

Значит, и ей нечего думать о нём!

Но всякий раз, когда Люба рассказывала о друзьях, Тома внимательно слушала. Вдруг проскочит его имя. А Люба, сама об этом не подозревая, устраивала регулярно «пытки» для Тома.

Но когда шел снег или лил дождь, Тома зачем-то стала подходить к окну и смотреть в темноту чужих окон... Его окно она видела, но никого в нём разглядеть не могла. Слишком далеко.

«Ну, ни бинокль же покупать!?»

И злясь, Тома заставляла взять себя в руки, и отойти от окна. Иногда это удавалось. Чаще от окна её могла отогнать лишь необходимость лечь спать. Но сна, после подобного созерцания неизвестно чего, дожидаться было трудно. И ворочаясь в холодной постели, она ещё долго думала, о том, что соскучилась... по всему. По жизни. Яркой, эмоциональной. И пусть даже непутёвой и беспутной. Но жизни!

Когда она была моложе лет на десять, она могла и делала глупости. Хорошие, добрые глупости. Влюблялась до одури. Обворожительно улыбалась, кому хотела понравиться. И даже могла просто прикасаться к тому, кто, сверля восторженным влюблённым взглядом, выпрашивал ласку. Выпрашивал, получал и возносил Тому в мир нереальной значимости всего происходящего с ней. Она верила и доверяла. Широко открытыми глазами любуясь и восхищаясь жизнью. А когда в весёлой, подвыпившей компании, её просили спеть, а пела она хорошо, с душой, с надрывом, она под аккомпанемент гитариста Яшки, начинала свой концерт всегда с одной и той же песни. Припев которой, благодаря Томе, знали все в общежитии. Все ей и подпевали:

«Хочу любить, хочу страдать,
Хочу любить, хочу гулять.
Мне всё равно, что ты, что я.
Пропасть с тобой, моя судьба».

Именно эта песня подарила Томе второе имя – Цыганочка. Хотя на цыганку она совершенно не была похожа. Светло-русые волосы, живые серо-зелёные глаза. И всегда бледненькая. Но из-за этого контраста с представителями цыганской нации, институтское прозвище ещё плотнее прирастало к ней.

Она тогда умела любить. Преданно, самозабвенно.

А теперь уже не хотела страдать. Поэтому стала чрезвычайно избирательно относиться к мужчинам, которым позволяла к себе прикасаться. Эдуард Альбертович, Эдик, уже давно питавший к ней глубочайшую симпатию, не вызывал отклика в её желаниях и мечтах. Он был просто Эдик. Друг из прошлой жизни. Но после развода Тома с первым мужем, Эдик захотел стать её мужем номер два. На тот момент Томе было не до таких плотных отношений и Эдик сам собой ушел в сторону. А через пару лет появился Валера. Но и он не задержался в жизни Тома надолго.

И тогда на правах старого друга, вновь возник Эдик. Тома его не прогоняла, поскольку на этот раз он стал вести себя более сдержанно и не тащил её в постель так активно. Позволяя привыкнуть к себе в новом образе – друг с далеко идущими планами. Однако у самой Тома не было этих самых планов. На Эдика, по крайней мере, точно не было. А вот Дима мучил своим присутствием в мыслях. И снег, и дождь, и ночь. Все вместе. Как сговорившись, магнитом тянули Тому к окну. Чтобы там, стоя в одиночестве, мыслями быть не одной.

Был вторник. Её законный выходной.

Тома перестирала, всё, что скопилось на тот момент в корзине для белья, сделала уборку во всей квартире. И после того как всё блестело и сияло, переоделась и отправилась в магазин за продуктами. Сегодня ей захотелось побаловать Любу домашними котлетами. Необходимые ингредиенты можно было купить в супермаркете, что был в десяти минутах ходьбы от дома. И хотя идти с сумками далековато, Томе захотелось совершить этот променад.

«Люба права, я очень мало бываю на свежем воздухе. Всё время в помещении. Работа – дом. Дом – работа. Иногда в этот список попадал банк и магазин, которые находятся в этом же микрорайоне. Наверное, всё-таки был смысл взять в аренду помещение под парикмахерскую не так близко от дома. А то уж совсем замкнутый круг.

И нет явных причин покинуть... эту карусель».

Тома стала вспоминать, как давно она была в городе. Не галопом в ближайший магазин, находящийся в минуте ходьбы от её подъезда, а хотя бы в том супермаркете, до которого нужно идти десять минут и до которого она уже почти дошла. Но вспомнить, так ничего и не смогла. Все отчеты о своей деятельности Тома отправляла в электронной форме. Платежи тоже. Наличку переводила на карточку в отделении Сбербанка, которое находится в соседнем доме. Получалось, кружилась Тома между трёх многоэтажных зданий.

Единственным человеком, который её вырывал из этого убийственного умиротворения, был Эдуард. Но он давно не звонил. А Тома ему вообще никогда не звонила. К тому же, последняя их встреча закончилась плохо. Эдуард в тот вечер был взволнован. Как он пояснил, проблемы на работе. Тома попыталась перенести встречу. Он взбунтовался и сказал, что мужчина не обязан всегда быть приятным. Эдуард всегда начинал вечер с Томой с ресторана. Когда они подъехали, вместо того, чтобы спокойно дойти до ресторана и поужинать, он схватил Тому и стал прямо в машине её раздевать.

С треском разлетелись застёжки на блузке. И юбка предательски решила ретироваться вверх под натиском агрессора. Тем ни менее, полного обнажения удалось избежать. Тома оказала сопротивление, и даже укусила Эдуарда. Как ей показалось за ухо. Дать хорошую пощёчину она не смогла из-за ограниченного пространства салона автомобиля. А без должного размаха эффект был не тот.

А цапнуть получилось. Пусть это выглядело по-детски или ещё как-то несерьёзно. Во всяком случае, недостойно интеллигентной женщины. Ну так и ситуация была нестандартная. Оскорбительная. И весьма возмутительная. Естественно, Тома пошла на крайние меры.

Хотя она не спасала свою честь. Секс между ней и Эдуардом был. И его можно характеризовать, как регулярно-редкий. И был он не каждый раз, когда была у них встреча. И, несмотря на это, в машине, под покровом ночи на парковке перед загородным рестораном, Тома не собиралась с Эдуардом заниматься этим. Да и ему было не свойственно такое эмоциональное поведение. Он был обычно сдержан и тактичен. А тут такой пассаж.

В результате, после того как Тома болезненно остановила разгулявшиеся плотские фантазии Эдуарда, она выскочила из машины, быстро поправила на себе одежду, застегнула пальтишко и побежала прочь. Сам горе-герой-любовник, покинув машину, помчался за несостоявшейся жертвой. Он пылко извинялся и что-то с усердием обещал. Но Тома только пятилась от него и жестом рук пресекала дальнейшее приближение. Как будто пытаясь руками отгоро-

диться невидимой преградой. Лишь когда Тома юркнула в такси, стоявшее неподалеку от входа в ресторан, Эдуард сдался. Он, обхватив руками свою голову, присел на корточки. Не проявив никакого участия к его позе «раскаянье-отчаянье», Тома назвала свой адрес таксисту и уехала домой.

Вечер был испорчен.

Эдуард с тех пор не звонил.

Почему-то сегодня Тома много думала о том вечере. Ей впервые стало жаль Эдуарда. Он был неплохим. Как верно заметила Люба, не урод. Даже очень приятной наружности. Сероглазый блондин. Без лишних килограммов для своего среднего роста. Широкие плечи. Сильные руки. Уверенная походка. Одежда – деловые костюмы. И всегда безупречная обувь. Педант в мелочах. Хотя, возможно, это всего лишь результат длительного проживания без возмутительницы холостяцкого быта.

Умён. Но не зануда. И с юмором дружил. Однако из-за чего-то отношения Тома с Эдуардом не получали развитие. Тома делала над собой усилия, и каждый раз переступала через невидимый барьер. Она точно знала, что Эдуард её обожает, что он ценит их отношения. Но огня не было. У Тома не было. Как будто она с ним в браке много лет. Уважение есть, а страсти и в помине нет. Она то и на секс с ним согласилась только чтобы проверить себя. Эдуард был безумно счастлив, получив всё. А Тома после такого эксперимента, прямо посреди ночи, незаметно выбралась из постели, в которой спал довольный Эдуард, наконец-то заполучивший долгожданный приз. Тихо оделась и выскочила из его квартиры.

Жил Эдуард в центре города. Хорошая квартира, хорошая работа. Он был на пару лет старше Тома, и знал её ещё со студенческих лет. С тех пор, как они познакомились на кухне общежития. Он был безумно влюблён в голос Тома. Песни в её исполнении слушал, затаив дыхание. Но дорогу ему перешел однокурсник Тома. Андрей Кураев. Ставший впоследствии её мужем. И тем ни менее Эдуард не упускал из вида Тому надолго. Он появлялся и исчезал. Каждый раз, проверяя её благосклонность к собственной персоне.

Были ли у него серьёзные отношения с кем-нибудь, Тома точно не знала. Женат он не был. О женщинах из своей жизни не рассказывал. Тома год назад, из простого любопытства спросила, почему до сих пор не женат? На что Эдуард, пристально смотря её в глаза, сказал, что его женщина ещё его не полюбила. Такое признание Тому напругло. Больше она не приставала с подобными вопросами, поскольку прекрасно поняла его намёк.

Она побоялась дать ему надежду и одновременно брать на себя ответственность за его чувства по отношению к ней.

А взрастить свою любовь к нему не получалось. Даже после секса ситуация не улучшилась. Только добавилась неловкость. И первое время после той ночи в его квартире, Тома вообще в глаза стеснялась ему смотреть. Это уже потом, когда его тактичность и бережное отношение к её эмоциям растопили стену её сомнений, они вновь оказались в постели.

К сожалению, во время последней их встречи такт подвёл.

Страстный порыв Эдуарда напугал Тому.

«Наверное, нельзя так долго быть с мужчиной просто друзьями?»

Он всё равно захочет подчинить, и указать, что я всего лишь женщина. Что я должна ему принадлежать. Как собственность! Пусть божественная, но собственность...»

Тома же не захотела отдаться в его полную власть. Она была не его женщиной.

И он, это поняв, не смог безболезненно принять истину.

Доказать себе ничего не удалось.

Доказать Томе ничего не удалось.

Им не быть вместе. Эдуард не вынес это открытие и в грубой форме пытался изменить очевидное. Такой глупый финал их странных отношений.

И друга не стало... и любви не получилось.

Тома вошла в супермаркет и неспешно, разглядывая полки с продуктами, пошла в сторону мясного отдела. Выбор предлагаемых товаров был великолепным. Глаза разбегались от яркости ассортимента. И буквально через несколько минут Тома, забывшись, шла в другую сторону. И внимательно разглядывала полку с пачками чая. Ей очень захотелось выбрать какой-нибудь новый чай. Можно чёрный с бергамотом, или зелёный с жасмином. Без разницы. Лишь бы что-то новенькое. Захотелось отступить от традиционного.

Рука потянулась к черной пачке с красной полосой. Изучив этикетку, Тома даже усмехнулась. Из всех возможных вариантов, в её руках оказался чай «с мужским характером».

«Нет. Надо выбирать упаковку с цветочками. Жасмин, чабрец, ромашка, розы... Так можно долго выбирать».

Поставив на место очередной чай, Тома зажмурилась и загадала две цифры. Номер ряда снизу, и номер пачки справа от края в этом ряду. Открыв глаза, начала считать вслух. Третий ряд, седьмая пачка... Палец упёрся в чай «с мужским характером».

«Судьба!» – как сказала бы Люба.

Улыбнувшись, Тома взяла пачку с красной полоской. За спиной послышался тихий смех. Она обернулась и увидела, как до боли знакомая фигура высокого брюнета отвернулась от неё.

«Дима?

Он!»

Тома смутилась и стала отступать. Почему-то даже здороваться с этим возмутителем её мыслей не хотелось. Она слабела рядом с ним, себе переставая подчиняться. Но столько власти ему давать не хотелось. Он мог так же посмеяться и над всем остальным.

Поспешно убравшись с чайного ряда, Тома скрылась в отделе канцтоваров. Одно было плохо, Дима видел её побег.

«Может уйти из магазина и обойтись вообще без котлет?

Но не перебор ли это!?

В конце концов, можно переждать какое-то время и, в надежде, что он ушел, всё же завершить покупки, согласно намеченному списку».

Рассудив, что в этом есть хоть какая-то логика, и частично оправдав свою дикую, ничем не обоснованную боязнь близости с этим парнем, она сосредоточенно стала изучать полки с ненужным товаром. Но спустя несколько минут Тома почувствовала жуткий дискомфорт. Какой испытывает карась на раскалённой сковороде.

Щёки горели огнём.

Тома попыталась сбросить с себя это состояние... но.

Она посмотрела прямо перед собой на полки, потом подняла взгляд вверх, под потолок и сделала глубокий вдох. И тут услышала выдох. Но не свой. Тонкий поток воздуха скользнул по шее и обжог кожу. Тома вздрогнула и невольно качнулась. Как раз в ту сторону, в которую не надо было. Спиной она почувствовала, что без малого оперлась на того, кто стоял так близко к ней сзади.

– Привет.

Он не сказал, он выдохнул это слово в Тому. Она вдохнула и поперхнулась им. Слово было большим и не помещалось в её груди. Оно разрывало изнутри.

Откашлявшись, Тома повернулась и оказалась напротив Димы. Хотя ей показалось, что не напротив, а под ним. Он был везде. Его большая рука потянулась за хрупкое плечо Тома и теперь она была практически в кольце его могучего тела.

– Гуляешь? – тихо спросил он.

Тома быстро посмотрела по сторонам и обнаружила, что желающих отовариться в отделе канцтоваров, нет. Отсутствие свидетелей немного успокоило, и всё же Тома предпочла

выскользнуть из-под Димы. И отойти на безопасное расстояние. Сердце её бешено колотилось. И всё из-за этого нахала, который одним лишь своим взглядом мучил и пытал, как тысяча чертей.

– Привет, Дима. А ты, что тут делаешь?

– Поздороваться с тобой хотел. Поэтому подошёл... Ты ведь этого тоже хотела?

– Ничего я не хотела!

Не обращая никакого внимания на её резкий тон, Дима отвел взгляд от её глаз и тихо спросил:

– А как вообще дела?

– Дела, не надо лучше! – опять очень агрессивно выпалила Тома.

Казалось, она защищается... Только на неё никто не нападал.

Беззаботная поза Димы, его легкие, воздушные жесты говорили о том, что он не напрягается. Он расслаблен. Его улыбающийся взгляд был очень милым. И от этого почему-то нервировал Тому. У неё-то внутри всё было натянуто до предела. Подавляемые эмоции звенели, как струны. Струны, которые страшно тронуть, ибо тут же появлялся мерзкий резонирующий всё тело звук. И Дима трогал эти струны... своим взглядом, своим голосом. Хорошо ещё, что не прикасался руками. А то совсем бы Томе было плохо.

– Том, я подумал, может, ты опять меня подстрижешь?

Его пальцы, как зубья расчески, прошлись по красивым темным волосам, которые действительно уже отросли и выпрашивали, чтоб их подстригли.

«А впрочем, можно и не стричь.

Только будет парень похож не на обычного работягу со стройки, а на какого-то рок музыканта. Красивого, демонического.

Ему б ещё куртку кожаную чёрную...» – залюбовавшись, подумала Тома.

– Что скажешь? Можно к тебе напроситься на стрижку?

– Нет! – на выдохе сказала Тома и, в надежде привести свои мысли в порядок, потёрла переносицу едва дрожащими и немного похолодевшими пальцами. – Я хотела сказать, что Надежда с удовольствием тебя подстрижёт. Она как раз сегодня работает.

– Нет, к Надежде я не хочу. Может, всё же ты мной займёшься?

– У меня сегодня выходной, а завтра можешь подойти в любое время.

– А сегодня нельзя? Как в прошлый раз, дома.

– Нет! У меня вечер занят. Я жду гостя.

Дима даже изменился в лице.

– Ясно. К сожалению, завтра я не могу. В гости пригласили, – процедил сквозь зубы и кашлянул в кулак. – Рад был тебя увидеть. Всего доброго.

– До свидания, – быстро произнесла Тома, и наткнулась на его взгляд.

– Все говорят «до свидания», но не все ходят на свидания, – зачем-то сказал Дима, грустно улыбнулся и прошел мимо Тома.

Она ещё смотрела ему в след и всё также пыталась понять, почему этот парень на неё производит такое колоссальное впечатление? Ни один из её мужей не вызывал столько паники. А Дима, будучи абсолютно чужим, так неудержимо манил... и в то же самое время, этой колоссальной силой ужасал Тому.

Она еще несколько раз его замечала то в том, то в другом проходе между рядов супермаркета и каждый раз старалась отвести взгляд до того, как Дима её замечал. Он больше не подходил. Взглядом не задерживался на Томе. Он просто совершал покупки. А Тома металась из ряда в ряд и не помнила, зачем она вообще сюда пришла.

«Ведь можно было просто купить полуфабрикаты в магазинчике, что был так близко от дома. Нет, же! Припёрлась сюда!»

Схватив с полки те продукты из списка, что вспомнила, Тома отправилась к кассам. Диму она потеряла из вида и, казалось, уже окончательно. Его не было видно на кассах, и по рядам тоже.

«Может, уже ушёл?»

Оплатив покупки, Тома помчалась домой. Но и по дороге, его не заметила. Он растворился. И это почему-то Тому ещё сильнее расстроило.

Но ещё больше она расстроилась, когда на следующий день он так и не пришел. Хотя и предупреждал, что не сможет прийти, Тома, себе боясь признаться, его ждала. И на следующий день тоже.

А он не пришел. Ни через день, ни через неделю.

Так прошла зима и наступила весна.

Март

Есть ли более счастливый день для женщин, чем 8 Марта?

Наверное, есть. Но не в России.

Тома это знала, но подтверждение всё равно получила в виде бесконечного потока клиентов. Праздник её затронул по касательной. Она преображала женщин, чтобы те сегодня покоряли своих мужчин, чужих мужчин, и даже просто для себя любимых выглядели Потрясающе!

К вечеру поток убавился, и Тома отпустила Надю домой к мужу, оставшись работать одна. А когда после десяти вечера ушла последняя клиентка, Тома выключила свет в парикмахерской, закрыла на ключ дверь и отправилась домой.

Дома её никто не ждал. Люба ещё вчера уехала в деревню. И теперь на вечер у Тома был конкретный план. Душ. Чай. Сон. С первым пунктом этого плана заминок не возникло. Со вторым тоже. А со сном пришлось повременить, поскольку в дверь позвонили. Тома сначала посмотрела на часы, проверяя уместность визита, потом в глазок. Но увидев гостя, растерялась ещё больше.

Но дверь открыла.

– Привет, Дима. Ты зачем сюда...

– С праздником!

Перед Томой возник букетик тюльпанов.

Нежные весенние цветы на фоне мужской руки, протянутой к ней, Тому потрясли. Но принимать цветы она не спешила. И тогда Дима сделал в её сторону два решительных шага. Зашел в квартиру. Закрыл дверь и тихо произнёс:

– Позволь себе хотя бы 8-го Марта быть Женщиной. Просто женщиной. Позволь себе всё то, что отвергаешь в остальные дни. Позволь себе немного забыться... Позволь себе... меня.

Он уже прикасался к её плечам, и всё так же, неотрывно смотрел в её серо-зелёные глаза, которые сегодня были необычайно грустными, но всё такими же прекрасными. Самыми красивыми. Он продолжал мечтать приблизиться к ним... чтоб утонуть. Тома надрывалась душой, из-за того, что ничего не видит, кроме его глаз. И лишь необъяснимое пленяющее тепло его тела, согревало даже мысли. Которые слишком быстро мелькали, чтоб их понять.

Одно было важно – Он пришел.

«Только зачем?»

Нет, зачем, понятно. Процесс неплох, даже очень. Но последствия... Зачем они? Ведь их не избежать».

– Дима, уходи, – прошептала Тома.

А в ответ тишина. И только чувство, что расстояние до пропасти неумолимо сокращается. Когда их губы соединились, и Дима с Томой оказались в объятьях друг друга, всё стало не важно. Только жажда росла, а напиться поцелуем, они уже не могли. Им нужно было всё. И сразу. Сегодня! Сейчас!

Пока волшебство момента не разрушили сомнения.

Пока соблазн познать друг друга затмевает все доводы рассудка.

Дима подхватил Тому на руки и отнёс в комнату, чтобы там уложить на постель и позволить себе всё. Помочь Томе позволить всего себя.

Трещала ткань его одежды. Её халат ещё несколько секунд назад был скинут на пол. И только к телу Тома Дима отнёсся, как к величайшей и хрупкой ценности. Он прижимал её к себе. Вдыхал её запах. Упивался им.

Своими сильными огрубевшими от тяжёлой физической работы руками он нежно касался её тела. Неопытности не было в его движениях. Он знал, что ему делать. Что делать, чтобы Тома, растворяясь в его объятиях, забылась. И впустила его. Всего без остатка. Всего без сомнений.

Как в пьяном угаре, тело её сейчас жило самостоятельной, короткой, но такой счастливой жизнью. Где разуму строго-настрого было запрещено издавать даже писк. И разум молчал. А тело пело.

На утро Тома проснулась в невероятно прекрасном настроении. И лишь когда события ночи воспоминаниями врезались в сознание, она накрыла лицо руками и надрывно застонала:

– Ой, какая же я дура!

На момент пробуждения Димы не было рядом в постели.

«Ушёл? Конечно.

Ночь прошла, а значит всё. Всё с ней ушло. Только воспоминания и стыд остались.

Повелась на красивое молодое тело? Теперь вычерпывай из дырявой лодки здравомыслия всю горечь своего безрассудного поступка. Вычерпывай и не смей винить парня. Он-то здесь совершенно не причём. Его понять можно. Он всего лишь потребитель. Позволила взять? Он и взял. Могла бы доходчиво объяснить, что не желаешь этого. Но нет! Вот теперь и думай о себе, что хочешь!»

Из самоедства её вырвал голос Димы:

– Напрасно ты так говоришь, – он стоял в дверях и держал в руках две чашки свежесваренного кофе.

Увидев его, Тома сжалась и натянула на свои плечи одеяло. Быть обнаженной, даже на такую незначительную часть своего тела, она сейчас ужасно стеснялась. Стыд безраздельно хозяйничал в мыслях. А вернувшийся разум, издеваясь, подкидывал всё новые и новые претензии к самой себе.

Дима подошел к постели, присел на край и протянул Томе кофе.

– Я тебя считаю, прекрасной, умной женщиной. Более того, тебе запрещаю плохо думать о себе.

Тома изумлённо на него продолжала смотреть, но кофе не принимала. Боялась, потянувшись за чашкой, обнажить себя. А Дима её совершенно не стеснялся. На нём были джинсы. Майку свою он, как всегда, не спешил одеть. И босиком. Тома это заметила и хотела обратить его внимание, что в прихожей есть тапочки для гостей и среди них, конечно же, можно отыскать подходящие даже для него, 45-го размера. Но пресекая видимую заботу о нём, она промолчала.

– Доброе утро, Тома.

И вновь этот нежный взгляд бездонных карих глаз.

– Доброе... Ты почему...

Её взгляд скользнул по мужской груди, на которой красовался, как орден, её ночной укус. А через плечо легли параллельные царапины от её ногтей.

– Кофе возьми, – поняв направление её взгляда, Дима улыбнулся и ещё раз предложил кофе.

На этот раз Тома высунула руку из-под одеяла и взяла чашечку. Её рука до самого плеча оголилась. Но Дима не смотрел на открывшуюся часть её тела. Он пил кофе, и смотрел Томе в глаза.

– Ты жалеешь? – вполне серьёзно поинтересовался он.

Она не знала, что ответить. Поскольку истина и для неё была под вопросом.

Хотя... всё же, жалеет. Но только себя. И ещё знает точно, что если бы её каким-то чудом вернули в тот самый момент, когда она вчера слышала трель дверного звонка, оповещающего о прибытии гостя, она бы точно так же кинулась к двери и открыла её. Чтобы Дима опять оказался перед ней с букетом тюльпанов. И опять её попросил забыть все свои сомнения. И она бы опять их забыла.

Тома сделала глоток кофе, но так ничего и не ответила. А Дима продолжал на неё смотреть. Не выдержав этот божественный взгляд, она отставила чашечку на прикроватную тумбочку, на которой стоял светильник. И стала укутываться в одеяло. Его чашка с кофе, тут же встала рядом с её. Тома, молча, продолжала смотреть на собственное одеяло.

Но внезапно Дима поднялся с кровати, и её встревоженный взгляд переместился на его лицо.

«Он уйдёт!»

И в этом был, и страх, и отчаянный крик души.

Но вместо того чтобы уйти, Дима потянулся к молнии на брюках. Быстро расстегнул её. И снял с себя всё. Чтобы стоять перед Томой и не стесняться своего тела. Своих желаний.

– Томочка,пустишь к себе?

Она в душе взвыла и сжалась от воспоминаний прошедшей ласковой ночи с ним. Конечно, хотелось повторения. Хотелось до безумия! Повторения и продолжения. И тем ни менее она опять молчала. И даже не шевелилась. Тогда Дима сам принял решение за неё. Нагнувшись, он потянул одеяло и, приоткрыв Тому, нырнул к ней. Чтобы уже там, прижавшись к её желанному и такому отзывчивому телу, взять всю инициативу в свои руки. В свои большие тёплые руки.

Его ласка и в этот раз разрушила сомнения, и Тома вновь стала жадно принимать его страсть. Выплёскивая свою. Кусая и царапая его. Чтобы он был ещё ближе к ней. Чтобы своим натиском вырвал из неё все комплексы по отношению к их отношениям.

«Ведь это отношения?»

Она быстро растворялась в нём. И очень быстро привыкала к его присутствию в своей постели, в своих желаниях.

Привыкая и нуждаясь в нём... Это было страшно. Потому что его терять не хотелось. Он подрывал одним своим существованием, зарок себе не строить планы типа «и жили они долго и счастливо». А с ним хотелось забыться навсегда!

Только позволят ли обстоятельства прожить эту счастливую жизнь?

И захочет ли он сам быть с Томой так долго?

Зачем ему всё это?

В этот раз разум не позволял забыться до конца. А может просто утреннее солнце, освещающая комнату, мешало. И тогда Тома зажмурила глаза и прижалась к Диме. Прячась в его объятиях от собственных мыслей.

– Тома, ты сегодня работаешь, как обычно, до девяти вечера? – спросил Дима, нежно поглаживая её плечо.

– Да. А зачем ты спрашиваешь?

Она хотела встать с постели, но Дима её не пустил. Прижал к себе и поцеловал в шею.

– У тебя кран на кухне капает. А в коридоре розетка вываливается. Я вечером приду и всё исправлю.

– Исправить всё, уже невозможно. Мы слишком увлеклись.

– Ты возможно. Но не я. Я никогда не увлекаюсь.

– Ах, да! Я забыла. Ты же не пробиваем на чувства, – Тома дёрнулась, но так и осталась в его объятьях.

– Тома, я не увлекаюсь. Я в отношениях серьёзен. И к тебе серьёзен. Тихо, тихо, не вырывайся, – и опять он её удержал. – Ты мне ребёнка родишь?

Теперь она не вырывалась даже шутки ради. Затихла и задумалась, не показалось ли ей.

– Родишь? – повторил Дима и приподнялся над Томой.

Не показалось. И от этого стало ещё больней.

– Дима... ты... понимаешь, что говоришь?

– Я, да. А ты?

– Нет, – призналась она и закусила свою губу.

Хотя хотелось укунить себя за запястье до кровавого следа, как в детстве. Чтоб остался след надолго, как видимая проекция душевной боли.

– Тома, я хочу от тебя ребёнка.

– Ты сам ещё ребёнок!

Он ничего не ответил. Выпустил Тому из рук. Перекатился на спину и плотно накрыл своё лицо ладонями. Тома не хотела его обижать. И сразу пожалела о своих словах. Она прильнула к нему, поцеловала в плечо. Он не реагировал. Тогда она попыталась убрать его руки от лица. Не удалось. Она села на корточки рядом с ним, нагнулась к самому уху и прошептала:

– Рожу. От тебя рожу.

Медленно его руки опустились и он, повернувшись к Томе, тихо попросил:

– Повтори.

– Я согласна от тебя родить ребёнка.

Его глаза заблестели, и казалось, могут сейчас пролиться слезами. Но Тома бы этого всё равно не увидела, поскольку сама едва не плакала. Она вдруг поймала себя на мысли, что действительно это выход. Ребёнок. Вот чего ей не хватало. И Дима сам его предлагает. И пусть его самого не будет потом, но будет ребёнок от него. Собственный. Не ребёнок сестры или подруги на короткое время. А свой. Свой! От одной этой мысли можно сойти с ума. Тома была благодарна Диме за то, что появился в её жизни. Теперь она точно знала, для чего он появился. Ребёнок. Это чудесно... И всё стало на свои места. Ради ребёнка, она готова была ему простить все обиды в будущем. Простить за то, что уйдёт. Ведь если у неё появиться ребёнок от Димы, он уже никогда до конца от неё не уйдёт. Он останется в их ребёнке. Пусть небольшой, крохотной частью, но останется. И будет только её. Навсегда.

– Тома, я не предлагаю тебе со мной сходить в ЗАГС. Уж извини. Не верю я в необходимость регистрировать государством отношения двух людей. Но предлагаю нам с тобой обвенчаться.

– Дурачок, ничего не надо. В ЗАГС я уже ходила, интересного там, действительно, ничего нет. Тут я с тобой согласна. В церковь, правда, меня не приглашали. Как-то фантазии на это не хватило у моих бывших мужей. Твоё приглашение в Роддом мне очень понравилось... Я согласна.

– А венчаться?

«Прыткий какой, но ничего скоро уgomонится».

Тома провела по его щеке ладонью и улыбнулась.

– Нет, мой дорогой, в церковь мы с тобой не пойдём. Только в Роддом.

– Если передумаешь насчёт венчания, скажи мне. Я всё организую за пару дней.

– За пару дней такое не организовать.

– Я смогу. Было бы твоё согласие.

– Давай пока ограничимся Роддомом? А потом посмотрим, – удивляясь его наивности и открытости, предложила Тома.

– Хорошо. Спешить не будем.

– Это правильно! Спешка в таком серьёзном деле не нужна. Как там говорят? «Поспешись – людей насмешишь». Кажется, так?

– Не бойся. Не насмешим, – и вновь его серьёзный голос, дарил надежду на всемогущество.

– Дима, и всё-таки я ненормальная.

– Нормальная! Самая нормальная из всех, кого я знаю. Иначе бы к тебе не пришел вчера.

– Тогда ты ненормальный, раз с ходу предлагаешь венчаться и ребёнка от тебя родить.

– Тома, я не сходу. Я давно на тебя обратил внимание. Ещё там в парикмахерской. Когда ты меня первый раз стригла. Уже тогда ты мне понравилась. Я просто, не стал форсировать события. Хотел сначала, чтобы ты привыкла ко мне. А уже потом действовать.

– Удивительный вещи ты сейчас говоришь. Но почему-то в них мне хочется верить, – улыбнувшись, сказала она.

– Ой, Томка... Какая ж ты недоверчивая.

– Да, уже не девочка! Лапшой меня не покорить.

– Ещё молодая, но уже не дура, – улыбка коснулась его тонких губ.

– Ах, так! – и в его сторону полетела подушка.

Он увернулся и, схватив Тому, завалил на спину. А когда окончательно подавил сопротивление, стал, соблазняя целовать в губы. В шею. Затем переместился ниже. И поцелуи посыпались на грудь, живот. Опустился к ногам. К коленям, ступням.

На работу Тома опоздала.

Надежда сразу заметила, что её работодатель сегодня молчалива и чаще улыбается. Но о причинах, повлекших это изменение, спросить не решилась. Не настолько большими подругами они были, чтобы в душу лезть.

К вечеру Тома стала нервничать и чаще смотреть на часы.

– Тома, может, я сама подежурю? – как бы случайно спросила Надежда, заметившая терзания Тома. – Клиентов сегодня мы вряд ли высидим, а тебе после вчерашнего наплыва, наверняка, нужно отдохнуть. Ты иди, не переживай. Я справлюсь.

На удивление Надежды, Тома быстро согласилась и через минуту выскочила из парикмахерской. Взбежала по лестнице и оказалась напротив двери в свою квартиру. Остановившись, отдышалась и достала ключи. Но они ей негодились. Поскольку дверь не была закрыта на ключ. Толкнув дверь, Тома вошла и, предвкушая желанную встречу, стала красться по собственной квартире, ключи от которой вручила Диме ещё утром. Вручила не навсегда. Только чтоб смог попасть сегодня. Никаких планов на жизнь. Только обстоятельства вынудили её передать Диме ключи. Ведь ему нужно было как-то попасть к ней в квартиру, пока она была на работе.

Но почему-то предательская мысль, что у Димы в кармане ключи от её квартиры, грели душу Тома.

Дима спокойно работал на кухне. Как и обещал, ремонтировал кран. Затаившись у дверей, Тома залюбовалась его четкими размеренными движениями.

– Ты решила пораньше вернуться?

Его спокойный голос напугал Тому. Она вздрогнула.

– Я ещё не закончил. Буквально минут пять и будет готово, – всё так же стоя к ней спиной произнёс Дима.

– У тебя, глаза на затылке? – растеряно спросила Тома.

– У меня есть уши и нос.

– Ладно уши, понять могу. А нос тут причём?

– Томка... ты пахнешь сексом, – спокойно произнёс Дима и повернулся к ней.

От такой откровенности по телу Тома прошла горячая волна. Она не смогла найти слов, чтобы ему ответить. Так и стояла, неотрывно смотря, как он вытирает руки и подходит к ней. Ещё секунда и она в его объятьях. Его руки безраздельно властвуют над ней. А губы дарят нежность поцелуя.

Когда её руки потянулись к одежде Димы, он прервал поцелуй и попросил:

– Мне нужно искупаться после работы. Жди меня в ванной. Я подойду к тебе через пару минут. Нет, через одну. Воду в душе сделай потеплее.

Вместо ответа она кивнула и поспешила исполнять просьбу.

Люба придет только завтра. А значит и эту ночь они позволят себе всё. Никто им не помешает. Даже сомнения свои Тома, завязав в узелок, убрала в самый дальний уголок сундука терзаний.

«Мой он!

Только мой!

Раз со мной эту ночь, значит мой».

Теперь по вторникам Тома не выходила из квартиры. Выходной она предпочитала проводить, в основном, в постели. И хотя, за целый день, она успевала накормить своего голодного мужчину не только собой, но и более традиционными в кулинарном искусстве блюдами, основное время они всё же, не покидали постель. Даже когда просто разговаривали обо всём, предпочитали это делать лёжа на простынях.

Люба приходила с учёбы только к вечеру. Поэтому у Димы и Тома было достаточно времени, чтобы насладиться друг другом. На работу по вторникам он теперь тоже не ходил. Тома поинтересовалась, не будет ли у него проблем из-за прогулов, но Дима просил не думать об этом.

Звал к себе на квартиру. Но Тома не решалась. Боялась там столкнуться с его сестрой. Предсказать поведение Любы она ещё хоть как-то могла, а неожиданная встреча с его сестрой её ужасно пугала.

Так они и жили.

Всю неделю множество СМС-ок и изредка звонки. А по вторникам безрассудное и невообразимое наслаждение от близости.

Несколько раз Дима караулил Тому глубокими вечерами на выходе из парикмахерской. А дождавшись, когда она выключит свет и выйдет, чтобы закрыть на ключ дверь, запикивал её обратно. Он прикрывал дверь и, не включая свет, тащил в дальний угол парикмахерской. И там, прижав к стене, всем своим телом показывал, как он по ней соскучился.

Было немного неудобно, но они закрывали глаза на это. И наслаждались этими драгоценными минутами. Но каждый раз Тома просила больше так не делать и не приходить в парикмахерскую. Дима покорно соглашался, что так вести себя нельзя, но проходил день, другой и он опять перед закрытием парикмахерской приходил, чтобы пожелать ей «Спокойной ночи».

Ключи от квартиры Тома остались у Димы. Она о них даже разговор не заводила. Спустя пару недель, Люба стала догадываться, что у Тома кто-то появился. С тех пор, как бы случайно, стала звонить перед приходом домой. Под различными предложениями, предупреждая о своём возвращении. А потом, так и вовсе стала задерживаться по вторникам в библиотеке или у подруг. Чаще у Веры. Ведь у Веры была «хата на отвязе». И можно было громко слушать музыку, гоня её через музыкальный центр брата Веры. Его же не было дома. Он же был на работе, как думала его сестра. Как думали все. Кроме тех, кто знал правду. Но их было немного. Только Тома и сам Дима. Они умело сохраняли свой секрет. Хотя Дима неоднократно

предлагал легализоваться. Однако Тома умоляла этого не делать. Дима, нехотя соглашался. И они продолжали скрывать свои отношения.

Апрель

Забеременеть в самый короткий срок не удалось. И хотя Дима не спрашивал о наличии последствий их близких отношений, Тома периодически покупала тесты на беременность. И каждый раз она не знала, чего больше в её желаниях.

«А вдруг Дима со мной только до тех пор, пока не сделал меня беременной?

Ну, мало ли...

Кто знает, что у него на уме?»

Тома, во всяком случае, ещё не разобралась. Парень он положительный. Это факт. Неагрессивный, хотя и весьма импульсивный. Здравомыслящий. В меру. Поскольку безрассудства в нём столько, сколько и страсти. А её много. Работящий и тут без оговорок.

Но была в нём какая-то стена, за которую, он не пускал.

Умалчивал о своих родителях, о своих предыдущих отношениях с девушками. Как будто человек из ниоткуда. Без прошлого. Без ошибок и раскаянья. А о жизни Тома расспрашивал регулярно. Узнавал, почему детей нет? Не делала ли аборты? Но как-то всё это он спрашивал вскользь и Тома, ничего не тая, рассказывала обо всём.

Да, и не было у неё ничего такого, о чём хотелось утаить.

Детей не родила, потому что не успевала в браке сжиться с мужьями. Противозачаточными особо не увлекалась. Заболеваний, препятствующих зачатию, нет. Здоровая. Просто так получилось, что к тридцати годам не родила.

– Но родить ты хочешь?

– Да, Дима, хочу. Ты об этом уже спрашивал.

– Тома, может, всё же обвенчаемся?

– Вот пристал! Зачем тебе это?

– Хочу, чтоб ты была моей.

– Я и так твоя.

– Спасибо, – он улыбнулся и поцеловал Тому в губы.

– Дим, а ты...

Тома в сотый раз просила себя молчать. Но сегодня почему-то была глуха к себе и всё же задала мучивший её вопрос:

– У тебя же кроме меня никого нет?

Его удивил вопрос. Он сел у Тома в ноги и пристально посмотрев в её глаза, признался:

– Тома, ты единственная женщина, с которой я хочу быть. С которой мне хорошо. Которой я доверяю... И ещё, я не знаю, как сказать, но... я тебя люблю. Я чувствую, ты боишься этих слов, но это правда. Я тебя люблю. И очень хочу, чтобы у нас была семья. Чтобы ты была мне женой не только по вторникам, но и в остальные дни недели. Я хочу, чтобы мы жили вместе. В моей квартире. В квартире, которую я снимаю. Своего жилья у меня пока нет. Но пусть тебя это не тревожит. Я в любой момент могу взять кредит и купить однокомнатную квартиру.

Это признание Тому шокировало. Она слышала каждое слово, и они вполне логично складывались в предложения. Но принять их, как сказанные именно ей, она не могла. Хотела, но не могла. Ей что-то мешало.

– А как же Вера, Дим? Где она будет жить? Можно, конечно, её к Любе, сюда переселить. Но захочет ли она жить в одной комнате с другим человеком? И пусть даже подругой. А вдруг не уживутся?

– Вера? Ну, да... с ней будет проблема.

– Может, пока всё оставим как есть?

– Если честно, не хочу. Хочу по утрам просыпаться с тобой в одной постели, как тогда, в первые две ночи... Мне тебя мало, только раз в неделю. Забеги в парикмахерскую на полчаса хоть и спасают меня, но не считаются. В конце концов, ты меня доведёшь до того, что я буду приходить к тебе в парикмахерскую перед закрытием каждый вечер. И тогда ты сама взвоешь от тоски, что остаёшься без постели со мной. Подумай.

– Ты же из-за этих неудобств, не начнёшь искать приключений на стороне?

– О чём ты только думаешь, Тома!? Как ты вообще могла такое подумать? – резко возмутился Дима.

– Ну, я подумала, что мужчины обычно не любят трудности и поэтому...

– Лучше не договаривай! А то я начну думать, что ты не такая умная, как мне казалось.

– А я тебе давно говорила, что я дур...

Дима не дал ей возможности произнести это слово до конца. Он накрыл её губы поцелуем и стал щекотать, играя по её ребрам, как по клавишам рояля. Она вырывалась и взвизгивала сквозь смех. Поцелуй в губы сорвался, но его губы продолжали целовать её в шею.

Но в конце месяца, в пятницу под вечер, Тома получила СМС-ку с номера Димы: «Помоги».

И всё. Больше ни слова. Она испугалась. Набрала его номер. Не ответил. Тогда позвонила Любе.

– Алло, Любочка, как твои дела? Ты где?

– Привет! Мы с девчонками сейчас у Машки. Через пару часиков буду дома. Что-нибудь случилось?

– Нет, нет. Всё нормально. Я просто хотела узнать, как у тебя дела? А как ты домой добираться будешь? Вера с тобой? Это я к тому спрашиваю, что она же недалеко от нас живёт и тебе будет компания, когда ты будешь возвращаться домой. Я беспокоюсь за тебя.

– Тома, не переживай! Здесь все, и Вера в том числе. К тому же, Даниил вызвался нас проводить домой.

– Даниил... Это хорошо. А вы с Верой из-за него не подерётесь? Он один, а вас двое.

– Нет! Он же её ухажер. Они меня просто проводят до квартиры, а потом уже отправятся к ней домой. Да и там ничего такого не будет. Вера же с братом живёт. А он у неё строгий. Даниилу башку свернёт, если что. Да и нет промеж них этого самого «если что». Не переживай! У нас всё хорошо. Мы себя прилично ведём. Ещё пару часиков и я в целости и сохранности буду дома.

– Ладно, извини, если напрягаю. Ты же знаешь, я молчать не могу. Я ж тебя люблю.

– Я тебя тоже. Томочка, у тебя всё нормально? А то у тебя голос такой, что не знаю, что и думать. Ты со своим, что ли поссорилась?

– С кем!?

– Да ладно тебе прикидываться, что не поняла меня! Чего скрывать? Обычное дело. Тем более ты уже далеко не девочка, сама говорила. И насколько я помню, даже замужем была.

– Люба!

– А что я такого сказала? Я ж наоборот тебя поддерживаю. Что б ты не стеснялась своих отношений. Кто он? Долго будешь ещё его скрывать? Не бойся, отбивать не буду, – Люба думала, что успокаивает, но её слова только сильнее сжимали сердце в груди Тома. – Приводи его завтра. Познакомь, наконец. Выходите из подполья!

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Он женат?

– Нет!

– Чего ты тогда его скрываешь? Он внешне как? Симпатичный или у него шрам через «всю морду лица»?

- Люба, не придумывай! Всё у него нормально. И вообще это не телефонный разговор!
- А это мне нравится! Позже вернёмся к этому разговору. До встречи!

Тома успела сказать «Пока» и убрала телефон в карман брюк. Надо было действовать. И быстро. Через пару минут она выскочила из квартиры, через пять входила в подъезд Димы. Ещё чуть-чуть и она на пятом этаже. А дальше, включив объёмное мышление, выбрала квартиру. Позвонила в дверной звонок.

Никакой реакции со стороны тех, кто мог там находиться.

Позвонила ещё раз Диме на телефон. Гудки и всё. Он не ответил. Психуя, на себя, Тома решила уйти. Но потом зачем-то потянулась к дверной ручке и обнаружила, что можно беспрепятственно войти в квартиру.

Но зайти отваги не хватало.

– Дима!

В ответ тишина.

– Дима! Ты дома?

Ещё почему-то хотелось крикнуть: «ты один?» Но она сдержалась. Глубоко вздохнула и вошла.

«Была, не была! Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас».

Но ужаса не было.

Тихо, мирно. И чисто. Прошла на кухню. Заглянула в комнату Веры. Никого. В другую... И испугалась.

На диване лежал Дима. Один. Лежал на животе. Одетый. Но что-то всё равно, сильно напрягало. Тома мельком осмотрела комнату и обнаружила на столике и под ним использованные шприцы и ещё какую-то дрянь. Тома отшатнулась и хотела тут же уйти. Уже отступила спиной к двери, но неожиданно рука Димы соскользнула с дивана и повисла.

«А вдруг ему нужна помощь?»

Если это передозировка, он может умереть. И пусть это последнее, что я для него сделаю, но я ему помогу».

Тома подошла ближе и, не зная, что в таких случаях делают, проверила его температуру. Лоб влажный. И холодный. Проверять реакцию зрачков на свет она не стала.

“Может, проверить пульс? А какой в этом смысл?”

Она достала телефон и позвонила в «Скорую». Зная специфическое отношение к наркоманам, решила сказать полуправду:

– Я зашла к подруге по делу, но её не было дома. Однако в квартире обнаружила её брата. Без сознания. Приезжайте поскорей!

– Диктуйте адрес!

Немного растерявшись, Тома всё же назвала адрес. И не имея больше сил быть рядом с Димой, выскочила из квартиры. Отдышалась на лестничной площадке и пошла, встречать бригаду «Скорой».

– Девушка, успокойтесь! Всё с ним будет нормально. Немного отлежится и будет бегать не хуже прежнего, – успокаивал Тому пожилой мужчина в белом халате.

– Куда бегать? – спросила она, путаясь в мыслях.

– Может, ещё и Вам успокоительное вколоть?

– Ничего мне не надо! – резко сказала Тома и гневно посмотрела на мужчину.

– Как пожелаете. А-то, его тут сколько хотите, – указал он на стол.

– Кого?

– Успокоительного, – начинал терять терпение врач.

– То есть, как успокоительное?

– Успокоительное, обезболивающее и противовоспалительное. Парень видимо не знал, что ему поможет и ширнул в себя всё. Благо хоть колот внутримышечно. Ну, что... забирать его я не вижу смысла. Он не в обмороке, а просто спит. Глубокий сон. Мы его можем разбудить, но повторюсь, смысла в этом нет. Пусть лучше отсыпается. У парня видимо действительно были сильные боли. Но определить с точностью, их природу, – мужчина покрутил поднятую с пола пустую ампулу, – я не могу. «Диклофенак», в основном при ревматических заболеваниях используют, хотя могут и при травмах. Где он работает?

– На стройке, – растерянно произнесла Тома.

– А, ну тогда скорее всего он мог там получить либо банальную травму, либо, что зачастую страшнее, просто надорвался. Ну, так как девушка, будем подписывать отказ от госпитализации или мы его забираем? А Вы ему кто? Родственница? А-то отказ только родственники могут подписать.

– Сестра, – машинально сказала Тома, сама не понимая до конца, что говорит.

– Тогда оформляем отказ?

Дима врачу был не интересен. И Тома испугалась, что сейчас его увезут неизвестно куда. И неизвестно, как к нему там отнесутся. Но ей четко представилось, как ему будет холодно лежать на кушетке, почему-то именно в коридоре. Она была уверена, что для него место в палате не найдётся. И ещё она подумала, что не знает, как себя вести, объясняя Вере, куда делся её брат.

– А с ним точно будет все в порядке, если вы уедите? – всё же уточнила Тома.

– Через пару часиков, Вы сами в этом убедитесь. Давайте его паспорт и полис.

Тома поняла, что попала в сложную ситуацию. Она досчитала до трёх и полезла в карман своей куртки. Достала кошелек и извлекла из него тысячную купюру, а после незаметно для остальных из бригады, положила деньги в карман тому, кто хотел от неё получить данные паспорта и полиса Димы.

– Может быть, Вы обойдётесь без его документов?

В её сторону посмотрели уставшие глаза полные недоумения. Тома не растерялась и доложила ещё столько же и туда же.

– Хорошо, я всё понял. Всего доброго, берегите брата. Будить его сейчас не надо. Ребята пошли!

Но когда бригада «Скорой» ушла, Тома осознала, что сегодняшняя ночь у неё будет сложной. Она прошла на кухню, но осваиваться на ней не решилась. И чай для себя готовить не стала. Вернулась в комнату, присела в кресло и поймала себя на мысли, что совершенно не доверяет Диме. И что ей стыдно, за то, что она ему не доверяет.

«Он хороший.

Самый лучший.

А я его чуть не предала из-за своей мнительности. Хорошо, что ещё мои заблуждения ему не навредили».

Тома встала и подошла к окну. Ей хотелось посмотреть из его окна на свои собственные окна. Отдёрнула шторы и облокотилась на подоконник...

Далеко. Ничего не разглядеть. Выпрямилась и, хотела уже поправить шторы, как неожиданно увидела в углу подоконника, за кактусом, мощную подзорную трубу.

«Не поняла...»

Взяла трубу, настроила её и посмотрела в окно. Изображение прыгало, но всё равно можно было в весьма точных подробностях увидеть, что происходит в доме напротив. Тома метнула гневный взгляд на спящего Диму и вернулась к своей находке.

«Парикмахерская. А это окна моей квартиры. И если руки перестанут трястись, то можно увидеть, даже какие цветочки на обоях у меня на кухне.

Ах! Какое неожиданное открытие. Неожданное... и неприятное.

Может, вылить ему на голову холодной воды и заставить дать объяснения? Жестоко? Вот уж нет!»

Она вернула подозрную трубу на место, при этом болезненно зацепила уродливый кактус своей рукой. На руке сразу появились белые царапины. Крови не было. Но возникшая резкая боль была, как от контакта с кислотой. Выругавшись, дополнительно ещё и на кактус, Тома пошла на кухню, чтобы вымыть свою пострадавшую конечность.

Горячая вода частично сняла боль. Но не боль душевную. Было неприятно осознавать, что за ней следили.

«А может, он не следил?

Ну, может, не за мной конкретно?

В конце концов, не я ли хотела купить себе бинокль? И, кстати, для этой же самой цели. Пожалуй, да, подозрная труба, это не причина его казнить.

Да, даже если он и следил, что в этом такого? Наоборот это даже...»

Слово «прикольно» не совсем подходило, но было наиболее близко к тому, что теперь было у Тома на душе.

«И всё же, если он следил именно за мной, то зачем? Может, просто присматривался ко мне?

А что он мог увидеть такого, что было бы мне неприятно осознавать, что он видел?

По квартире голой я не разгуливаю. Мужиков, если его самого не считать, в квартиру не приглашаю. Даже когда ко мне приезжал Эдик в прошлом году, я сама к нему спускалась... Тогда, правда, можно было увидеть, как Эдик, встретив у машины, целовал меня в губы. Но это зрелище длилось доли секунд, к тому же, на тот момент у нас с Димой вообще ничего не было.

Тогда, что ещё он мог такого видеть?»

Она долго перебирала события за период их знакомства и ничего «такого» вспомнить не могла. Всё «такое» было связано только с Димой. Но он на момент этих самых событий был в её квартире, а значит, никаким образом не мог наблюдать за ней через подозрную трубу. Он был участником её интимных сцен. Даже можно сказать, инициатором. От этого привлечь его, как свидетеля, невозможно. Тогда тем более не понятно, как себя вести по поводу этой злосчастной трубы...

Тома ещё немного поразмыслила и вернулась в кресло. Комнату освещал свет от торшера. Он был тёплым, но не ярким. И вообще обстановка комнаты была приятной. Не было атмосферы холостяцкой, выпендрёжной берлоги, в стиле «хай тек» или «аля я бедный, но крутой чувак». Хорошие приятные обои в крупный, но не кричащий цветок. Люстра опять же в виде больших цветов. А на полу из ламината под тёмный дуб, лежал овальной формы ковёр с высоким ворсом. И ещё Тома залюбовалась картиной, висевшей над диваном. Ну, конечно, не копия «Мишки в сосновом бору», но тоже что-то до боли знакомое, но так Томой и не узнанное. Наверное, мебель и вся обстановка досталась от хозяев. Ну, кроме Димкиного музыкального центра, что жался в углу и который так любят гонять девчонки в отсутствие хозяина комнаты.

Диму она укрыла найденным в шкафу тёплым пледом. А сама, обняв свои колени, сидела в кресле. И отчего-то замерзала. Её даже немного стала бить дрожь.

«Наверное, это нервы?

Всё же надо было согласиться на успокоительное. Сейчас бы дрыхла под стать Диме. Мирно уткнувшись в бездну.

А в прочем... раз тут так всё спокойно, может мне просто уйти, пока не вернулась Вера?»

Тома встала, и почему-то именно подкралась к Диме. Спит. Она поправила сползший плед, и провела рукой по его колючей щеке.

– Тома, ты всё-таки пришла? – пробурчал, не открывая глаза, Дима.

– Пришла и уже ухожу. Что с тобой случилось?

- Схватил то, что обычные люди на своём горбу не уносят.
- Перенапряг спину?
- Сорвал, как сказала бы моя бабушка.
- Как ты сейчас себя чувствуешь?
- Всё нормально.
- А лекарство ты сам колол?
- Сам.
- А откуда ты его взял?
- Купил в аптеке.
- Понятно. Им лишь бы продать и побольше. Тебе точно стало легче? Скорую вызывать?
- Не надо. Со мной всё в порядке.
- Ну, хорошо. Тогда спи. Завтра позвони, когда очухаешься.
- Не уходи. Останься со мной.
- Уже поздно.
- Тогда тем более не уходи. А то я буду переживать, дошла ли ты домой.
- Я тебе позвоню.
- Я не смогу тебе ответить.
- Я это пойму, потому что ты спишь даже сейчас. У тебя глаза закрыты. Так что мой уход, ты даже не заметишь.
- Останься. Прошу, – всё так же, не взглянув на неё, тихо произнёс Дима.
- Не могу... Завтра увидимся. Я постараюсь тебя навестить.
- Врёшь. Ты побоишься ко мне прийти. А, впрочем, может, просто не захочешь. Зачем тебе такой калека, как я?
- Ты дурак? Как ты такое мог подумать?
- Докажи, что я ошибаюсь. Останься со мной.
- Это провокация?
- Конечно.
- В таком случае, я отказываюсь вести дальнейшие переговоры, – сказала Тома, любуясь этим огромным, но таким беспомощным мужчиной.
- Струсил и теперь бросаешь?
- Она хотела топнуть ножкой или фыркнуть на его обвинения... Но голос его, нежные и тягучий, не столько обвинял, сколько вымаливал – «Останься».
- И Тома, не зная, как себя вести дальше, тихо произнесла:
- Дим, скоро Вера вернётся. Я её боюсь. Отпусти меня домой.
- Вера ко мне в комнату без разрешения не входит. Иди ко мне, – он перевалился на бок и похлопал по согретой его телом половинке дивана. – Я очень в тебе нуждаюсь. Останься со мной.
- «Кто ещё в ком нуждается!?» – улыбнувшись, подумала Тома.
- Медленно сняла с себя куртку, опустила её прямо на пол и присела на диван. Рука Димы тут же завалила Тому и, обняв, притянула к тёплой мужской груди.
- Томка, обещай, что без разрешения не уйдёшь.
- У-у, какой ты собственник! – удобнее устраиваясь в его объятьях, заметила Тома.
- Прошу. Пообещай.
- Хорошо, – смягчилась она, поправляя тёплый плед, над их телами. – Спи, мой Железный Дровосек.
- Почему Железный Дровосек?
- Потому что ты большой, сильный и сердце доброе в твоей груди, а заклинить тебя может не по-детски. Вон, как скрутило. В пору маслом смазать твою спину, чтоб ты мог разогнуться.

– Я не против. Хочешь, сейчас этим займёмся? Масло можешь взять на кухне. Растительное – вторая дверца снизу. Сливочное – в холодильнике.

– Нет, тут машинное нужно. А лучше солидол! – весело сказала она.

– О! А ты с фантазией! – он прижал Тому плотней к себе, и глубоко вдохнул с таким упоением, как будто его женщина была ароматной розой. Только её шипы его уже не пугали. Он прижимал её к себе и растворялся в этой близости.

– Дима, спи. А-то тебя опять скрутит. Успеет ещё. Отдыхай.

– Легко тебе такое говорить.

– Спи! Иначе уйду!

– Жестокая ты девчонка... – пробурчал он и начал проваливаться в сон.

Тома улыбнулась на его комментарий и решила настраиваться на сон.

«Хорошо, что туфли принесла в его комнату. Ночью оденусь и незаметно уйду. Вера меня не увидит, и даже не будет знать о моём визите. А Димка отпустит... Он ещё немного потерпит меня в своей постели, начнёт ворочаться, удобнее размещаясь на этом узком диване, и ещё сам попросит ему не мешать и уйти. И тогда я уйду. Его мучить не стану. Да и мне удобнее спать в своей кровати. А безопасно перебраться из одного дома в другой, можно и ночью. Даже безопаснее ночью. Все маньяки либо ещё спят, либо уже спят. А ночь она темна, нежна и тиха. Ночью и пойду домой. Главное, чтоб Вера меня не обнаружила.

Любу я СМСкой предупредила, чтобы не беспокоилась из-за моего отсутствия. Так что всё нормально. Буду спать».

– Дима... Дима, отпусти меня. Мне домой пора. Скоро утро.

Его рука, забравшись под блузку, продолжала по-хозяйски лежать на её животе. Он всё ещё не хотел с Томой расставаться и все её попытки выскользнуть из его объятий пресекал.

– Лежи тихо, иначе позову Веру.

Тома ахнула от такой перспективы. И затихла.

– Молодец. Так и лежи, – довольным голосом, произнёс Дима.

– Я тебя во вторник покусаяю.

– Может, прямо сейчас?

– Нет. Только во вторник.

– Я до вторника не дотерплю.

Его руки стали расстегивать молнию её брюк.

– Прекрати, Дима. А так не могу.

– Главное, чтоб я смог.

– «Оно, конечно, что ж, не без того ж», – скороговоркой тихо сказала Тома и тут же добавила, – Дима, я не хочу, чтобы тебе было больно со мной. Потерпи денёк. Не напрягай спину.

Руки его замерли и вскоре стали застёгивать одежду на Томе.

– Ладно, твоя взяла... Я тебя провожу. Даже не вздумай сейчас перечить мне. Иначе никуда не пойдёшь до утра.

– А тебе точно уже не больно, и ты можешь встать?

– Всё нормально. Мне даже кажется, я выспался впрок, и теперь «готов к труду и обороне». Встаём?

– Встаём.

Им удалось тихо и незаметно выйти из квартиры. Они вошли в лифт, и Тома нажала на кнопку первого этажа. Повернулась к Диме и оказалась в его объятьях. Без лишних слов он её начал целовать и до самого первого этажа они так и ехали. Он целовал, она ему нежно отвечала. Когда же они вышли из подъезда, Дима обнял Тому, и они медленно пошли в сторону её дома.

Желтоватый свет, куполом льющийся от лампы уличного фонаря, веял иллюзорным теплом. Как от маленького солнышка. И Дима вёл Тому от одного солнышка к другому. Ей было очень хорошо так идти с ним. И лишь одна истина ей была в тягость, до её дома оставалось совсем чуть-чуть. И вот уже виден её подъезд, и там за дверью несколько ступеней вверх. И подниматься без лифта. Чтобы упереться в дверь в её квартиру. В которой мирно спит Любочка на диванчике, который стоит по соседству с её собственной холодной постелью.

«А может действительно, взять и пригласить Диму завтра на обед?

И пусть Люба увидит... моего».

Это слово ей согрело душу.

«В конце концов, я же его не украла. А-то, что разница в возрасте, это ведь такая мелочь. Он мне нужен. А я ему? ...Он говорил, что тоже нужна.

И всё же, как жестоко близко мой дом от его дома!»

Не было прохожих. Машины мирно стояли вереницей. И тишина.

Они подошли к подъезду.

– Тома, я провожу до квартиры, – она резко на него посмотрела. – Не возражай!

– Я не собиралась. Тут другое. Дима, мне надо с тобой поговорить.

– О чём? – он встал напротив Тома и положил свою руку ей на плечо.

– Я перед тобой виновата.

– Так. И в чём, конкретно? – его голос стал жёстким. Но рука так и продолжила лежать на прежнем месте. Пальцы не сжимали плечо, но всё равно присутствие его руки на её плече теперь стало другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.